Россія. - 2000. - 17 окт. - с 23

Бьорк: «Сельма меня сильно зацепила»

Триумфальное шествие по экранам мира «Танцующей во тьме» идет своим чередом. 18 октября состоится итальянская премьера картины фон Триера. Представлять ее в Риме вместе с режиссером будет и Бьорк. С 1997-го (а именно тогда началась работа над фильмом) она живет двойной жизнью: своей собственной и героини Сельмы. Об этом и о взаимоотношениях внутри съемочной группы исландская певица поведала корреспонденту итальянской газеты «РЕПУББЛИКА».

– Невозможно поверить, чтобы столь яркая индивидуальность, как вы, отказалась от своего «я» и превратилась в кого-то другого. Как вам это удалось?

– Как все, что я делаю: инстинктивно. Я просто стала Сельмой. Мы репетировали всего месяц. А потом Триер сказал: баста. И после мы открывали сценарий лишь для того, чтобы понять, что мы сейчас снимаем.

– А песни? Их вы тоже импровизировали?

– Музыка – это самое простое. Ее я написала еще до съемок. И на этом думала распрощаться. Но Триер сказал, что если я откажусь, фильма не будет.

– Шантаж?

– Ну да, вроде. Ведь под меня он переписал сценарий. Да и сама я подсознательно была к этому готова: слишком во многом мы совпадаем с Сельмой.

– В чем именно?

– Это из области личного. Об этом знают только мои самые близкие друзья. Сельма меня сильно зацепила. Как и я, она отталкивает любовь во имя того, что кажется жизненно важным в такой-то момент, она жертвенна, что, невзирая на бедность и убожество существования, делает ее невероятно значительной и толкает вперед и вперед... И еще – слепота. Мне всегда казалось, что потерять слух гораздо страшнее, чем ослепнуть. Я не раз представляла себя слепой.

– А в чем разница между вами и Сельмой?

– Ей, в отличие от меня, не удалось реализоваться.

– После размолвок в Каннах ваши отношения с Ларсом фон Триером, кажется, налаживаются?

«Мое превращение в Сельму было очень болезненным и драматичным»

– Наши размолвки с фон Триером сильно преувеличены, скажу я вам. Их раздували специально, чтобы создать шум вокруг картины. Да, все было непросто. Но, приглашая меня, Ларс знал, на что идет. Иначе он не стал бы обращаться к певице, а взял бы профессиональную актрису. Мы с ним очень разные, и понимание давалось нелегко. Но в результате мы всегда находили общий язык. Однажды я замкнулась, и он прислал мне огромную красную подушку, на которой он собственноручно вышил: «Обещаю не молчать и говорить Ларсу все как на духу. Потому что иначе он будет мною помыкать». Когда все закончилось, я поняла, что победила. Что мне удалось главное – защитить Сельму от всех: от него, от журналистов, от непонимания и несправедливых обвинений.

– Во время съемок вы познакомились с величайшей актрисой современности – Катрин Денев. Как строились ваши отношения с ней?

– Она восхитительна. Мы жили по соседству. Она одна, а я с кучей друзей, сыном Синдри и пятью его приятелями. Такое шумное исландское семейство. Я думала, мы будем ей мешать, а ей нравилось. Она постоянно бывала у нас и даже стряпала на всю эту когорту. Но это ерунда по сравнению с тем, как она помогала мне на площадке. Мое превращение в Сельму было очень болезненным и драматичным. Я ничего не понимала, терялась. «Что со мной?» – спрашивала я у нее. И она меня подбадривала. Нет, не льстила, а именно помогала собраться. «Ну, давай, – говорила она. – Я бы так никогда не сделала, но то, что получается у тебя, правильно. Все правильно, продолжай». Ее близость была не просто ощутима, – необходима для меня. Ведь я снималась впервые.

– Ваша карьера складывается из одних успехов. Вы начали выступать в 11 лет. Благодаря вам Sugarcubes стала первой исландской группой, прославившейся за рубежом. После ухода из нее вы моментально обрели известность как сольная исполнительница. Стоило вам обратиться к кино, – опять триумф: Каннский приз за лучшую женскую роль. Что это?

– Это – судьба. С детства я получала массу предложений сниматься, но отвергала все. Нынешний успех объясняется тем, что я интровертка. Я так подолгу варюсь в себе, что каждый мой «выход на поверхность» неизбежно становится взрывом.

САША КАННОНЕ